
АЛЕКСАНДР
ОЛЬШАНСКИЙ
ВЕСНА В ПОЛЫНСКЕ

Александр Ольшанский

Весна в Полынске

«Автор»
2026

Ольшанский А. И.

Весна в Полынске / А. И. Ольшанский — «Автор», 2026

Фёдор Глебов — поэт-новатор, журналист и задира из газеты «Полынская молодёжь». Его окружают фантастически творческие личности, которые творят в разных областях искусства так самозабвенно, что иногда страшно выйти из дома. Фёдор шутит, философствует, язвит и лезет на рожон, а весна в Полынске подкидывает ему всё новые невероятные и уморительно смешные истории. Остроумная, дерзкая, тёплая и слегка абсурдная хроника провинциальной жизни образца начала девяностых, где каждый день — повод для насмешек, потасовки или небольшого подвига во имя любви.

© Ольшанский А. И., 2026
© Автор, 2026

Александр Ольшанский
Весна в Полынске

День первый

Из тишины, один за другим, возникли нетерпеливые звуки, братья близнецы: «Дз-дз». Младшенький был помельче, но гораздо спокойнее.

— Кто там еще?

— Броский ум, на вид неброский, — через брод бредет к вам...

— Троцкий?! — Задорно предположила Варя, открывая входную дверь и, тут же, делано негодуя. — Федор Иванович, голубчик, себя не бережете! Сказано же, у меня краснуха. И не пяльтесь на меня, пожалуйста, я и так вся в пятнах и, почти, при смерти!

— Варюша, спокойнее. Выглядишь, хм, эффектно, — Глебов потупился, — хорошо, хорошо, больше не смотрю! Детских инфекций солидному мужчине бояться не пристало. Сложнее было в твой замечательный дом попасть. Вокруг море разливанное. Весна!.. Вот держи, Варюша, мартовский веник, гостинцы... А это Софико пирог тебе...

— Спасибо, дорогие мои! Кстати, Федываныч, за что вы Софиюшку Софико всегда называете? Словно мингрелку.

— За глаза, как у Чиаурели. Да, чуть не забыл! Принес я тебе три «Урании»: одна небольшая, одическая, как ты любишь, вторая большая, как ты любишь, и местами занятная, а третья — славного нашего лауреата, с эклогами, как ты обожаешь.

— Одна «Урания» Ф.Т., вторая — альманах М.П., а третья, конечно, «нашего рыжего», И.Б. Спасибо. — Варя слабым жестом пригласила Ф.Г. на кухню.

— Полноте, матушка, монограммами сыпать. Принес, что просили. Мы в литкружке посовещались, и я решил, поскольку я все-таки руководитель, а так-же единственный из всех, кто не помнит, болел ли в младенчестве краснухой, — мне и навещать тебя, бедняжечку. Вообще, я на минутку...

— Федор Иванович, садитесь. Сядьте, раз пришли, — оборвала его Варя, — знаешь, я так счастливо болею. У меня болдинская осень! В смысле полынская весна. Сейчас тебе... вам почитаю немного! Я так соскучилась по тебе… вам как читателю, критику и литредактору «Полынской молодежи», наконец!

— У тебя, наверное, жар. И пора мне уже, — пытался возражать Глебов, с подозрением разглядывая какое-то розовое пятнышко у себя на руке, — может, тебе в аптеке что-нибудь купить?..

Шипение и странное потрескивание томительно долго нарастало. Чайник-погорелец отказывался закипать, наверное, минут сорок. В пятиметровой кухне пахло валерьянкой и чем-то горелым. Вероятно, копченым забастовщиком, который наконец-таки соизволил нерешительно булькнуть. Все это время Федор вынужден был делать вид, что слушает её стихи.

Да, в квартире поэтессы Варвары Суицидовой (если между нами) все вызывало у Федора отвращение. Холод и казарменную неустроенность быта гармонично дополняли чудовищно плохие стихи Суицидовой. Вначале предложение послушать небольшую поэму перед чаем на дорожку не вызвало у Глебова активных возражений. Не мог же он предложить, что стихотворная пытка затянется на целый час!



Варя Суицидова — молодая привлекательная, временно пятнистая альбиноска с доминантным, исконно полынским цветом раскосых глаз и прокуренным голосом (глубокого грудного регистра в диапазоне где-то между вокальным диктатом Аманды Лир и голосовыми экзерсисами одной из бывших жён рецессивного ветерана столичных скандалов, беллетриста Э. Кислодзинского). Варя всегда отличалась своей коммуникабельностью и творческим напором. Но особенно хороша бывала она в большой шумной компании, где ей не удавалось почитать свои стихи. Иногда Варвара приглашала Глебова в свою литературную передачу на местной

радиостанции, которую вела уже пару лет. Федор в основном вынужден был нахваливать юных стихотворцев, читающих свои вещи в суицидовской радиопередаче.

И, по признанию знакомых, у него это хорошо получалось. Еще бы! Суровая школа Вариных стихов научила Глебова восторгаться (почти искренне) любыми проявлениями поэтической мысли. Включая самые малозначительные.

Капель за кухонным окном неожиданно прервалась, а Варвара продолжала воодушевлено тараторить. «Молчанье — это будущее слов, уже пожравших гласными всю вещность». — Отрешенно вспомнилось Федору.

Как всегда трагический финал ее новой поэмы Глебова сильно обрадовал. Радость не смогли омрачить, ни заунывность назиданий, ни ходульный пафос с лирическими подвываниями поэтессы. Федор стремительно отодвинул недопитый чай и...

— Федор Иванович, я хочу усилить кое-что, сейчас покажу наброски, — молвила Суицидова, доставая из кухонного шкафчика целую кипу загубленных листов бумаги. Глебов обмяк и снова рухнул на табурет.

***

«Да, это очень грустно, когда внезапно обнаруживаешь, что почти разучился думать, — подумал Федор, — и сопереживать. С годами пришло умение натягивать на лицо маску глубокой задумчивости, умение вкрадчиво всматриваться в глаза собеседника, вставлять в разговор глубокомысленные междометия, особо не вникая в чужие проблемы. И вот вам, пожалуйста, осталось единственное место, где изредка возникают оригинальные идеи, где мозг, отрешившись на короткий срок от всей мирской суеты, делает робкие попытки совершить глубокий мыслительный процесс, осмыслить свои и чужие проблемы, впрочем, не забывая и о других жизненно важных функциях своего, так удивительно устроенного организма».

Глебов придумал первый абзац для передовицы в очередной номер «Полынской молодежи» и предвкушал озадаченность полынских читателей. Он уже слышал, как гипотетический читатель задается вопросом: «Где? Где этот храм идей, дворец интеллекта, пантеон житейской мудрости?!»

Федор принялся за второй абзац: «Сообразительные люди, конечно же, давно догадались, что речь идет о туалете...»

В этом месте и застал сочинителя утренний истерический звонок в дверь.

— Кто? (Чтоб тебя...)

— Дружище, это я, сосед!

«Радость-то какая!» — решил про себя Федор, услышав, знакомый гнусавый голос и нехотя открывая дверь. Прихожую заполнила массивная фигура соседа-скульптора.

Человек со звучным именем Устин Пырей, сорокалетний постконструктивист из Маячков, оккупировал глебовский дом в переулке Лукича год тому назад. С тех пор на лестничной клетке стали регулярно пропадать лампочки, а сама лестница была обильно покрыта ошметками глины. Детскую площадку во дворе украсил огромный каменный фаллос — подарок скульптора ЖЭКу.

— Выручай! Проблема, старина. Вот надумал я к тебе обратиться, — Пырей смущенно проковырял ногтем дырочку в свежеприклеенных обоях. Федор занервничал.

— В чем проблема? — поинтересовался он металлическим голосом, подтягивая штаны.

— Понимаешь, ночь не спал. На душе скверно, все из рук валится. Весенняя депрессия у меня. — Доверительно сообщил Устин, ввинчивая палец глубоко в стену.

— Ну, ну. Кофе будешь? — Дружелюбно, но с тайным умыслом спросил Глебов.

— Угу. — Выдернув палец из стены, Пырей вяло поплелся вслед за хозяином. Они выпили по чашке кислого «Пеле», закурили.

— Чем, Устин, я могу еще помочь тебе?

— Можешь меня с женщиной познакомить какой-нибудь? Хочется нового, светлого и простого. Истерзали, понимаешь, душу — тётки богемные, а от натурщиц тупых просто тошнит. Хочу к тебе в «Полынскую молодежь» объявление брачное дать. Федя, помоги слова придумать! Хорошо бы очень кратко и в стихах. А главное, чтобы шалупонь всякая не беспокоила.

— Какие женщины тебе нравятся? Опиши свой идеал, — Глебов боролся с мимикой, тщетно пытаясь сохранить серьезное выражение лица.

— Знаешь, идеал у меня уже подрасплылся, конкретизации чего-то не поддается. — Мрачно пожаловался Пырей. «И твои скульптурные шедевры тоже!» — осенило Федора.

— Я надеюсь встретить женщину, внешне и внутренне гармоничную, но только без комплексов! Короче, такую же, как я. То есть, нет-нет...

— Все ясно, записывай: Коль хороши душа, нога и грудь, моих надежд тебе не обмануть! Устроит? — Федор поглядывал на часы.

— Блестяще! Это то, что мне надо! — Оживший скульптор смахнул на пол кофейную чашку.

— Добавь свои координаты и после двенадцати занеси в редакцию. Все, Устин, я опаздываю, — озабоченно произнес Глебов, собирая на полу осколки любимой чашки.

Уже на лестнице скульптор гнусавил: — Я обязательно тебя слеплю. Глебов, ты достоин этого!..

Федор поспешно захлопнул входную дверь, сокрушаясь о том, что ничегошеньки не сделано, а через час надо быть на радио у внезапно выздоровевшей и, как всегда, энергичной Вари...

***

Глебов слонялся по редакции радиовещания. До записи передачи оставалось несколько минут. Фёдор два раза звонил Софико в библиотеку, выкурил пол пачки сигарет, уронил микрофон и наступил на него, поругался с Суицидовой, надерзил пожарнику, сел на чьи-то очки. И решительно не знал чем бы ему еще заняться. Издерганная Варвара донимала туманными вопросами бледного мальчика. Двенадцатилетний вундеркинд, видимо, изнуренный амбициями родителей и собственным творчеством, молчал. Лишь изредка он кивал или мотал белобрысой головой, похожей на перевернутую грушу. Его ручонки теребили листочки со стихами, отпечатанными мамой на машинке. Родители юного стихотворца томились в вестибюле, по замыслу Суицидовой они не должны были присутствовать на записи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.